

МИРОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

С.А. Татуец, О.И. Аршба*

ИММИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Миграция как социальный феномен в эпоху глобализации претерпевает поистине фундаментальные изменения. Качественный рост иммиграции из развивающихся стран в развитые приводит к трансформации этнонациональной и конфессиональной картины в обществах Запада и сопровождается структурированием конфликта идентичностей, который приобретает особенно яркие формы в странах ЕС. Целью статьи является теоретическое осмысление данного феномена и обозначение основных узлов противоречий в сфере интеграции аллохтонных групп. Особое внимание уделено сравнению подходов к проблемам иммиграционной политики в США и европейских странах, в частности ФРГ. Подчеркивается необходимость разработки мер и инструментов стимуляции межкультурного консенсуса, которую, по мнению авторов, должно взять на себя национальное государство.

Ключевые слова: глобализация, миграционные процессы, идентичность, гражданство, автохтоны, аллохтоны, интеграция, экономические беженцы, трудовые мигранты.

In the age of globalization migration as a social phenomenon has undergone truly fundamental changes. A qualitative growth of immigration from developing countries to the developed world causes a transformation of ethno-national and confessional landscape in the Western societies. It is accompanied by shaping of identity conflicts which takes the most visible forms in the EU countries. The article aims to provide a theoretical interpretation of this phenomenon and to point out the main contradictions in allochtone groups' integration. It focuses specifically on the comparison of immigration policies in the U.S. and European countries (Germany, in particular). The authors emphasize the necessity of developing the measures and tools for stimulating intercultural consensus and highlights that this mission must be a responsibility of nation-states.

---

* *Татуец Светлана Ахундовна*, д.с.н., профессор кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В.Ломоносова (e-mail: statunts@mail.ru); *Аршба Отари Ионович*, к.п.н., депутат, председатель Комиссии по Регламенту Государственной Думы Федерального Собрания РФ (e-mail: arshba@eam.ru).

Key words: globalization, migration processes, identity, citizenship, indigenous, foreign-born citizens, integration, economic refugees, labour migrants.

Современный мир все больше втягивается в постмодернистский проект под названием “Глобализация”, который может привести к различным сценариям развития человеческого общества. Если понимать глобализацию не как повседневность одной большой “коммуналки”, а рассматривать ее как новый тип социальной трансформации [7; 17], то перед социологией и политологией встает задача всестороннего осмысления этого феномена и разработки целостной концепции, адекватной новому качеству всеобщности социального бытия, всех тех вызовов, которые с ней связаны. В теоретической версии глобализации, предложенной Э. Гидденсом, нынешний этап развития западных обществ отличает чрезвычайно высокий динамизм социальной жизни. Глобализация понимается им как одна из характерных черт “позднего модерна” [13]. Важной частью глобализационного проекта представляется современная миграция, которая как социальный феномен претерпела фундаментальные изменения. Ретроспективный взгляд весьма полезен для теоретических интерпретаций данного явления.

С незапамятных времен люди передвигались, о чем свидетельствуют и массовые переселения народов, и последствия великих географических открытий, и история европейской колонизации, а также формирование и распад империй в разные эпохи. Можно утверждать, что миграционные процессы имеют столь же длительную историю, как и человеческое общество. Миграция имела разные причины и формы проявления, но неизменной оставалась ее суть — перемещение больших групп людей. Социологи рассматривают проблематику миграции в тесной взаимосвязи с вопросами социальной мобильности, т.е. совокупности социальных передвижений и изменения статуса в обществе индивида или социальной группы. При ограничении или исчезновении возможности вертикальной мобильности актуализируется горизонтальная мобильность, территориальные перемещения индивидов и групп, что нередко позволяет снять проблемы неудовлетворенности продвижения по социальной лестнице.

Географическая мобильность народов, вылившаяся в XIX—XX вв. в широкомасштабную трансокеанскую миграцию в Северную и Южную Америку, Австралию, создала новые социально-политические феномены. Миграция объединяла Европу от Атлантики до Урала и от Скандинавского полуострова до Средиземноморского бассейна. Целый ряд современных национальных государств (США, Канада, Аргентина, Австрия и др.) появился в результате миграционных процессов. Память о трансокеанской эмиграции стала

частью культуры европейских обществ, она способствовала поддержке и расширению культурных связей между Старым Светом и новыми странами других континентов.

Активное переселение иностранцев в страны Западной Европы началось еще в XIX в., и первой европейской страной иммиграции стала Великобритания, где для прибывших мусульман в 1890 г. была построена первая мечеть. Мощный иммигрантский поток из бывших колониальных территорий (Африки, Азии, Карибского бассейна) в страны Западной Европы появился в середине XX в. вследствие разрушения мировой колониальной системы под воздействием национально-освободительных движений “третьего мира”. Как пишет З. Бауман, “стремление голодных отправиться туда, где еды в изобилии, вполне естественно с точки зрения любого разумного человека; совесть подсказывает, что правильным и нравственным поступком было бы позволить им удовлетворить это стремление” [1, с. 109].

Глобализационные процессы конца XX — начала XXI в. кардинально изменили миграционную картину мира. По оценкам экспертов, современными миграционными потоками охвачено около 200 млн. человек, или 3% населения земного шара. Иммигранты в странах Европейского Союза (ЕС) составляют уже 10% всего числа иммигрантов в современном мире. Из всех крупных стран лишь в Бразилии и Китае практически отсутствуют проблемы внешней миграции. Последствия этих процессов неоднозначны, поскольку напрямую связаны с главным противоречием глобализации, характерным для ее нынешнего этапа: появление глобального рынка финансов, товаров и услуг стало сопровождаться стремлением принимающих национальных государств воспрепятствовать свободному передвижению рабочей силы. Подобные органичения и регуляция рынка труда в условиях глобализации по сути своей противоречат парадигме либерализма — господствующей идеологии западного мира. И, похоже, что “проблема просто неразрешима: надо лишить других неотъемлемого права на свободу передвижения, которое мы сами превозносим как высшее достижение глобализирующегося мира и гарантию его растущего благосостояния” [1, с. 109].

Действительно, в условиях глобализации миграционные движения становятся значимыми факторами социально-экономических и этнокультурных процессов. По ним можно определить степень открытости и демократичности общества, его урбанизации, развитости инфраструктуры, охарактеризовать социокультурную ситуацию и уровень его толерантности.

Беспрецедентные по своему масштабу геополитические трансформации конца XX — начала XXI в., социально-экономические кризисы, массовые этнические чистки и локальные войны стали причиной возникновения качественно новых тенденций мигра-

ционных процессов. В Западной и Восточной Европе, на всем постсоветском евразийском пространстве резко обострилась проблема такой категории мигрантов, как беженцы¹. Другая, более многочисленная группа мигрантов — экономические беженцы. Они составляют почти 70% общего иммиграционного потока в Европу, куда ежегодно прибывают от 700 тыс. до 1 млн. человек.

Иммиграционную ситуацию в странах Западной Европы характеризуют три основные тенденции. Во-первых, нарастает рост географической концентрации иммигрантов. Практически во всех мегаполисах и крупных городах выросло число районов с иноэтническим населением. Так, например, в Голландии в составе жителей Амстердама 24,3% — выходцы из Карибского бассейна и Южной Азии, в Роттердаме иммигранты составляют 20,3%, в Гааге — 19,9%. Можно с уверенностью говорить о нарушении относительной культурной гомогенности западноевропейских обществ на рубеже веков, значительных изменениях в этнокультурной и конфессиональной структуре населения этих стран. Особое значение иммигрантскому фактору в этом регионе мира придает то обстоятельство, что иммигранты в основном — выходцы из стран с исламской культурной парадигмой. К примеру, в ФРГ число иммигрантов-мусульман составляет от 3,8 до 4,3 млн. человек, из которых более 2,5 млн. — выходцы из Турции, свыше 500 тыс. — из балканских стран, 340 тыс. — из Африки, 330 тыс. — из стран Ближнего Востока, 256 тыс. — из Азии и 17 тыс. — мусульмане из стран постсоветского пространства [16].

Во-вторых, все чаще наблюдается стремление трудовых мигрантов обосноваться в странах иммиграции. Воссоединение семей и усиление семейных структур ведут к подъему рождаемости среди иноэтнических мигрантов, увеличивается также и количество смешанных браков. В последние десятилетия растет число людей с установкой на получение гражданства принимающей страны и часто — на приобретение двойного гражданства. Как правило, стремление к двойному гражданству в европейских странах проявляется у выходцев из Турции и стран постсоветского пространства. Возрастает число учащихся школ из семей иммигрантов. В шести основных европейских иммиграционных странах их стало 10%, два крайних значения представлены Люксембургом (30%) и Голландией (5%) [3].

В-третьих, среди иммигрантов преобладают представители стран, не являющихся членами европейского экономического сообщества. Этническая картина иммиграционного движения в “старых” странах — членах ЕС выглядит следующим образом: во Франции — арабы из Северной Африки, турки, вьетнамцы, китайцы; в Герма-

---

¹ В англоязычной литературе эта группа мигрантов обозначается как “пре-тенденты на убежище” — “asylum seeker”.

нии — турки, курды, боснийцы, албанцы из Косово, или так называемые “косовары”; в Италии — арабы из Северной Африки (марокканцы, тунисцы, египтяне), албанцы; в Великобритании — арабы, индийцы, пакистанцы; в Голландии — арабы (марокканцы), турки, курды; в Бельгии — арабы (марокканцы), турки, албанцы; в Дании — турки, курды; в Греции — албанцы; в Испании — арабы (марокканцы).

“Новые” страны — члены ЕС, такие как Польша, Венгрия, Чехия и другие, стали своего рода “буферной зоной”. Географическое положение стран Центральной и Восточной Европы становится фактором, имеющим амбивалентную сущность. С одной стороны, они сами поставляют мигрантов на Запад, в экономически более благоприятные страны (в западноевропейских массмедиа давно уже муссируется образ сантехника из Польши), с другой — становятся зоной приема иммигрантов с Востока. В европейских странах, имеющих различные уровни социально-экономического развития, природно-климатические условия и структуру населения, в разные периоды их истории различались “направленность и состав миграционных потоков” и “социальные последствия миграции” [5, с. 19]. Страны ЕС и США в настоящее время стали центром современных миграционных процессов. Как совершенно справедливо пишет политический философ Сейла Бенхабиб, до тех пор, пока ведущие либеральные демократии (такие, как США и страны Европы) будут испытывать нужду в поставляемой извне дешевой рабочей силе, будет продолжаться и “перевернутая глобализация”, когда периферия мигрирует к центру, что сопровождается ослаблением резидентства культурной идентичности и прав гражданства [8].

Масштабы и качество иммиграции в Европе озаботили руководство Евросоюза, о чем свидетельствуют новые законодательные инициативы и правила приема иммигрантов, которых все чаще автохтонные жители европейских стран рассматривают как нежелательных “чужаков”, потенциальных правонарушителей², а также конкурентов на рынке труда и при получении социальной помощи от государства. В массовом сознании населения европейских стран иммиграция имеет негативные коннотации; эмоционально привлекательными становятся идеи ее жесткого ограничения.

Практически во всех западноевропейских странах существуют слаженные системы социального благосостояния. Хотя они имеют некоторые исторические и социокультурные различия, в целом европейские социальные службы являются частью системы сме-

---

² По данным МВД Великобритании, албанцы и “косовары” контролируют в Лондоне 70% бизнеса, связанного с проституцией. Примерно такая же ситуация характерна для Германии и Голландии, где международную организованную преступность возглавляют турки, курды и албанцы.

шанной экономики благосостояния. Они функционируют на основе как коллективистских ценностей взаимной помощи, так и индивидуалистских ценностей самообеспечения. Концепция социального благоденствия, возникшая в Европе после Второй мировой войны, имеет в основе своей социальной политики принцип государственной ответственности за благополучие и соблюдение социальных прав граждан. Качество жизни по важнейшим показателям (здоровье, уровень смертности, образование, состояние окружающей среды и пр.) в европейских странах обладает большой притягательностью для иммигрантов.

Необходимо заметить, что практика иммиграционной политики и содержание иммиграционных процессов в США сильно отличаются от европейского опыта. Во-первых, главная характерная черта этнодемографической картины в США — наличие большого числа расовых и этнических меньшинств. В самом густонаселенном штате, Калифорнии, где проживает 10% всего населения страны, 51% жителей — так называемые “цветные”. Во-вторых, американское государство с неодобрением относится вообще к каким-либо концепциям всеобщей социальной защиты граждан, в том числе иммигрантов. Примечательно, что США — единственная страна в западном мире, где до сих пор не существует продуманной системы здравоохранения (за которую и взялся сейчас президент Б. Обама). Социальная политика США, в соответствии с характеристикой американских аналитиков, таким образом, представляет собой систему “нежелательного благосостояния” [14].

Это в первую очередь связано с переплетением ряда сложных факторов, которые вместе и составляют содержание и отличительную особенность “американской культуры”, феномена США. Понимание социальных проблем в стране соответствует индивидуалистской сущности американских ценностей. В последние десятилетия в американском обществе сформировалось мнение, что программы социального благосостояния соответствуют только интересам прибывающих иммигрантов, предоставляя им особые преференции. Подобные мифы, расизм, этноцентризм и другие формы предрассудков часто используются правительственными структурами для дальнейшего ограничения и без того не щедрых федеральных программ для бедных из числа иммигрантов.

Социальная политика в европейских странах, направленная на господдержку граждан, все чаще становится объектом общественной критики, поскольку в условиях, когда государство лишается реальных финансовых рычагов, позволяющих бороться с растущим уровнем бедности собственных граждан, оно еще вынуждено обеспечивать социальные программы по поддержке тех, кого привело на волнах иммиграции. В этом контексте показателен германский опыт. С самого своего основания в 1949 г. ФРГ была иммиграционной

страной, хотя никогда не считала себя таковой. Поначалу иммигрантами были этнические немцы, прибывавшие из различных территорий поверженного нацистского рейха, — “Vertriebene”. При существовании двух Германий западная часть, нуждавшаяся в рабочей силе, активно использовала трудовых мигрантов из восточной части. Однако после опускания “железного занавеса”, когда Берлинская стена закрыла границу между Западной и Восточной Германией, правительство ФРГ начало широкомасштабное рекрутирование так называемых “рабочих гостей”. Гастарбайтеры (“Gastarbeiter”) прибывали в страну из Турции, Греции, Югославии и Италии [6]. Согласно официальной политике, молодые несемейные мужчины из этих стран могли легально найти работу и через некоторое время должны были вернуться на родину. Алгоритм рекрутирования гастарбайтеров зависел от экономической конъюнктуры в принимающей стране. Несмотря на имевшиеся ограничения, большинство гастарбайтеров привезли в ФРГ свои семьи и остались там жить. При больших людских потерях периода войны и сложной демографической ситуации в Западной Германии за пять послевоенных лет население увеличилось на 18% [15].

В настоящее время около 8 млн. человек, живущих в ФРГ, являются “иностранцами” (“Ausländer”), более 4 млн. — “переселенцами” (“Aussiedler”). С рекрутированием иностранной рабочей силы в ФРГ было покончено в 1973 г., но численность иностранцев в стране значительно увеличилась. Примечателен тот факт, что в поисках работы в ФРГ прибыло 22% всех мусульманских иммигрантов, а 60% мусульман в стране появились как члены семей, получившие въездные визы в рамках политики “воссоединения семей” и защиты прав человека. Эти иммигранты и являются “нежелательными”, в особенности для системы социальной помощи, поскольку пределы “допустимой нагрузки” на бюджет оказываются под большой угрозой. Немецкое государство старается сегодня предотвратить возможные претензии “неграждан” на государственную поддержку и социальную помощь. Именно логика государства благосостояния во многом определяет и ограничивает возможности иммиграционной политики [4; 9].

Как в ФРГ, так и в других странах ЕС социальная политика предусматривает ряд мер для ограничения и уменьшения права на социальное участие такой категории иммигрантов, как беженцы, временный характер пребывания которых становится основанием сведения до минимума любых форм социальной помощи.

Именно беспрецедентный рост во всех странах ЕС такой категории иммигрантов, как беженцы, которые становятся реципиентами социальной помощи, стимулирует политику ограничения миграции. Для уменьшения потока прибывающих с целью получения статуса “ищущего убежища”, т.е. беженца, страны ЕС выработали

ряд согласованных мер, значительно ужесточивших в этом вопросе некогда либеральное законодательство. Шенгенское соглашение и Дублинская конвенция привели к введению жестких визовых требований для въезжающих в Евросоюз жителей “Non-EU”. Теперь иммигранты — неграждане стран ЕС могут попасть в ту или иную страну только в случае, если у них есть определенная работа. При этом они должны иметь разрешение на пребывание, которое можно получить лишь при условии, что трудовой договор с работодателем заключен как минимум на два года. Ограничительная стратегия включает концепцию “третьего безопасного государства”. В соответствии с ней иммигранты, получившие отказ в предоставлении статуса беженца, будут “возвращены”, т.е. депортированы на родину. В тех случаях, когда депортированным грозит дома политическое преследование или смертная казнь, они направляются в “третью” страну, где им ничего не угрожает. Находясь там, в “третьих” странах, они могут опротестовывать принятое в стране ЕС решение об отказе.

В контексте иммиграции актуализируется вопрос о политическом участии и его связи с институтом гражданства и проблемой культурной интеграции. Практика предоставления гражданства также различается по обе стороны Атлантики. По сути, существуют государственная/национальная и этническая парадигмы данного правового института. В первом случае (опыт США) предоставление гражданства и в целом иммиграционная политика основаны на системе права, а во втором (практика западноевропейских государств) — на системе дарования права быть гражданином на основе принципа крови, которую У. Брубейкер называет “гражданство по роду” [10].

По оценкам американского Бюро переписи (U.S. Census Bureau), точно определить число нелегальных иммигрантов в США невозможно, оно колеблется от 3 до 5 млн. человек. Этнонациональная картина нелегальной иммиграции достаточно пестра, но в ней доминируют выходцы из стран Латинской Америки и Карибского бассейна. На азиатов приходится 10%, на европейцев — 9%, из Мексики же прибывает 55% всех “нелегалов”, как правило, это сезонные сельскохозяйственные рабочие, которые включены в самый нижний сегмент низкоквалифицированного труда. За свою временную, но изнурительную работу они получают намного меньше, чем было бы заплачено американским гражданам, поэтому предприниматели заинтересованы в притоке мексиканских “нелегалов”. С целью ограничения незаконного въезда в страну был принят ряд законодательных актов, поставивших заслон на пути нелегальной иммиграции, вменив в обязанность нанимателям рабочей силы проводить проверку соответствующих документов у работников. Закон установил систему административных и уго-

ловных наказаний за преднамеренный наем рабочих-“нелегалов”. Поскольку аграрный бизнес не смог обойтись без дешевой рабочей силы, въезд сезонных сельхозрабочих в США был разрешен в тех случаях, когда министерство труда подтверждает необходимость их привлечения. По сравнению со всей массой “нелегалов” для сельхозрабочих из Мексики были определены льготные условия легализации, а сотрудникам Службы иммиграции и натурализации было запрещено проводить рейды без ордера. В то же время те категории иммигрантов, которые остались вне рамок легализации, оказываются в еще большей зависимости от недобросовестных предпринимателей.

Вопросы иммиграционной политики нередко используются в ходе борьбы за власть. В центре дебатов оказалась даже тема о дискриминационном характере иммиграционного законодательства в отношении выходцев из европейских стран. Активным сторонником тезиса о том, что сами американцы — потомки европейских иммигрантов, был сенатор Э. Кеннеди, предложивший стимулировать иммиграцию из старых источников, которые внесли большой вклад в развитие Америки в прошлом, и способствовать въезду тех, кто своим умением и талантами может внести вклад в будущее развитие страны [11].

В законодательстве фактически существуют только две категории иммигрантов — прибывающие для “воссоединения семей” и “независимые иммигранты”, обладающие определенными преференциями. Последние — это лица дефицитных профессий, ученые, вкладчики капитала в экономику США. Ежегодная квота на въезд высококвалифицированных специалистов, ученых и представителей профессий, в которых особенно нуждается американская экономика, составляет 140 тыс. виз. Существует специальная квота в 10 тыс. въездных виз для иностранцев, обладающих капиталом в 0,5 млн. долларов, если они изъявляют желание получить гражданство или вид на жительство. Ежегодно в первую группу попадают примерно 350 тыс. человек.

Примечательно, что вплоть до 1990 г., т.е. до падения Берлинской стены и роспуска Варшавского Договора, в США существовал запрет на въезд по политическим мотивам. Еще в эпоху маккартизма был принят закон Маккарена—Уолтера, закрывавший доступ в страну всем политическим инакомыслящим, т.е. в основном “левым” с “красной” окраской. Случались даже дипломатические казусы, когда Америка оказывалась в малоприятной ситуации перед лицом международного сообщества.

С того момента, как иностранец оказывается в США в качестве иммигранта, эта страна становится местом его постоянного проживания на неопределенный срок. После пяти лет он вправе просить у власти статуса гражданина путем натурализации. Об-

легчены условия натурализации для тех иностранцев, кто служил в американской армии в периоды военных конфликтов. Закон запрещает натурализацию иностранцев, принадлежащих к террористическим группам; тех, кто добился освобождения от военной службы в США на основании своего статуса иностранца или дезертировал из американских Вооруженных сил в период войны; а также лиц, в отношении которых была возбуждена процедура депортации или имеется невыполненный судебный вердикт о депортации. После событий 11 сентября 2001 г. власти еще больше озаботились улучшением структуры иммиграции и внесли целый ряд изменений в иммиграционное законодательство, ужесточающих правила въезда для выходцев из арабских стран.

Таким образом, американская политика иммиграции и гражданства основана не на памяти о европейских предках-основателях страны, а на принципе рационализма и политического равенства (со своеобразным его пониманием). Типично для американцев высказывание Ф. Рузвельта о том, что принцип, на котором была построена и которым во все времена управлялась Америка, предполагает, что принадлежность к ней не определяется расовыми чертами, и что всякий, кто верен этой стране и разделяет приверженность свободе и демократии, может быть американцем [18].

Государственная система управления иммиграцией в Германии по-прежнему представляет собой сложную интеграцию статусов. Хотя с 2000 г. ФРГ значительно отступила от государственного принципа гражданства (“Blut”), изменив закон о национальностях и введя территориальный элемент в определение гражданства, она создала иерархическую систему дарования прав гражданства, которая делает весьма сложным допуск к этому “дефицитному продукту” [10]. Тот факт, что Германия — это страна с самым большим числом беженцев и вынужденных переселенцев на территории ЕС с традицией кровного принципа принадлежности к этническим немцам, и объясняет строгость иммиграционного режима в этом государстве.

Иерархия статусов для иммигрантов в ФРГ представляет собой бюрократическую попытку предоставить комплекс возможностей для одних иммигрантов и выстроить непреодолимые барьеры для других. Иммигранты, не являющиеся гражданами стран ЕС, в Германии разделены на различные статусы. Более 1,7 млн. человек имеют “ограниченное разрешение на проживание”, почти 2 млн. человек — “неограниченное разрешение на проживание”, более 800 тыс. обладают “правом на жительство”, почти 300 тыс. имеют статус “беженцы” и столько же людей включены в статус “Duldung” (“терпение”) [12]. Пребывание в статусе “терпение” означает, что иммигрант находится на нижней ступени социальной поддержки со стороны немецкого государства и ему фактически запрещен

поиск работы. Переход из этого нижнего статуса в другие крайне ограничен, если не сказать — невозможен. Для Германии характерен такой канал иммиграции, как родственные связи. Брак в Турции иммигранта, легально живущего в ФРГ, становится ресурсом для получения социальной помощи немецкого государства. Самое большое число иммигрантов, имеющих статус “Fluechtlinge” (беженцы) и “Duldung” (“терпение”), прибыли из балканского региона, Афганистана и Турции (курды).

Важнейшими условиями приобретения права на жительство в ФРГ являются: во-первых, самообеспечение, т.е. отказ от социального обеспечения со стороны германского государства; во-вторых, базовые знания немецкого языка; в-третьих, пятилетние записи о перечислениях в Пенсионный фонд страны. Доступ к трудоустройству и связанные с ним права являются фактически центральным пунктом в приобретении позиции социальной безопасности. В текстах миграционных законов используются такие слова, как “возможно”, “обычно”, “обязательно”. Так, например, иммигрант “может” быть выслан из страны за ложную декларацию о доходах, нарушение общественного порядка и употребление наркотиков; он “обычно” высылается за одно или два криминальных преступления, производство, ввоз и распространение наркотиков, а также за проявление насилия; человека “обязательно” высылают за более суровые криминальные действия и правонарушения, связанные с наркотиками. Таким образом, только гарантировав свою способность к самообеспечению и избегая криминальных способов жизнедеятельности, иммигрант может получить доступ, по П. Бурдые, к экономическому, социальному и культурному капиталу в принимающем обществе. Другие возможности трудоустройства иммигрантов связаны с системой высшего образования (статус студента), а также с международным сотрудничеством (привлечение сезонных рабочих в сельском хозяйстве, на строительстве и праздничная торговля на рождественском базаре “Weihnachtsmarkt”). При этом контракт по трудоустройству в этих случаях подписывается в стране постоянного проживания, там же оформляется медицинская и социальная страховка.

Процессы увеличения этнической гетерогенности стран ЕС и культурной плюрализации со всей актуальностью ставят перед принимающими обществами и прибывающими иммигрантами вопрос о социокультурной интеграции. Речь идет в основном о тех, кто прибывает из стран с исламской культурной парадигмой или является потомком во втором или третьем поколении в семьях давно уже обосновавшихся “рабочих-гостей”, многие из которых стали обладателями паспортов граждан различных стран ЕС. Исламское измерение иммигрантского фактора в этих государствах существенно обостряет общественно-политический дискурс. После

событий 11 сентября, терактов в Мадриде, Лондоне, после массовых молодежных волнений в предместьях Парижа присутствие аллохтонных мусульманских меньшинств воспринимается автохтонным населением как фигура троянского коня.

Стало очевидным, что совместная жизнь автохтонных европейцев с “чужаками”, инокультурными иммигрантами в рамках своей национальной, государственной территории — это не только “место встречи” различных групповых интересов, идентичностей, культурных образцов и практик, но и “место борьбы”. Следует уже признать, что это борьба между жизненными концепциями, между большинством и меньшинством. Она ведется не только за право получения шансов в жизни, т.е. за влияние и пространство развития, но и за сохранение социокультурных различий, и обостряется не в последнюю очередь по причине того, что ислам с его крепкими патриархальными структурами и жизненными концепциями расценивается как опасность, грозящая изменить европейские культурные практики. К ряду обстоятельств, вызывающих беспокойство, можно отнести увеличивающуюся вероятность формирования в европейских странах параллельных обществ.

Известно, что для стран ЕС характерно отсутствие демографического роста. Уменьшение удельного демографического веса автохтонов и “старение” европейского населения, с одной стороны, и высокий рост рождаемости в общинах иммигрантских меньшинств из мусульманских стран, с другой стороны, может, по мнению европейских экспертов, в обозримом будущем привести к постепенному процессу арабизации Франции, туркизации Германии и Голландии, к углублению и расширению тенденции исламизации уже автохтонного населения этих стран. Ислам уже стал второй после христианства религией в Европе.

Во всех странах растет число мечетей и религиозных школ при них. В одной только Великобритании существует 85 шариатских судов; во Франции — более 1500 официально зарегистрированных мечетей и молельных домов, 2000 исламских ассоциаций; в Дании (стране со множеством исламских организаций, мечетей, школ по изучению Корана, исламским радиоканалом “Radio Fatiha”, исламским банком, магазинами с традиционной продукцией из стран происхождения иммигрантов) ведется борьба с “притеснителями” ислама. Кажется забавным, что защитники ислама объявили мультфильм “Алладин” антиарабским, поскольку, по их мнению, он выставляет мусульман в плохом свете. Большой резонанс был у истории с карикатурами на исламского пророка. Но датское общество серьезно настораживает то, что потомки иммигрантов, даже родившиеся в этой стране и обладающие датскими паспортами, предлагают убрать с их обложек изображение креста, чтобы ... не ущемлять религиозные чувства граждан, исповедующих ислам.

Говорить об интеграции мусульман в европейское культурное сообщество на уровне общин не приходится. Реализация различных социальных технологий интеграции затруднена ввиду целого ряда факторов, прежде всего — громадной культурной дистанции, а также существования устойчивых ауто- и гетеростереотипов.

Одной из важных причин напряженности во взаимодействии автохтонов-европейцев и аллохтонов-мусульман в последние десятилетия стала чрезмерная политизация ислама и как следствие — тенденция исламофобии практически во всех странах ЕС. Все чаще в западноевропейском общественном дискурсе ставится вопрос: каковы должны быть условия, при которых ислам будет совместим с западными ценностями? Общественное мнение европейских стран открыто сомневается в лояльности исламских иммигрантов к принявшему их государству. Все настойчивее вопрошают европейцы, хотят ли мусульмане интегрироваться в европейское общество, разделять такие основополагающие для европейской культурной идентичности ценности, как свобода, толерантность, демократия, равенство полов и секуляризм?

Французский демограф и историк Э. Тодд считает, что исламофобия является идейной составляющей политики в европейских странах. По его мнению, исламский мир переживает на современном этапе модернизацию и ввиду сложности и противоречивости этого процесса он может обернуться непредсказуемыми последствиями, если западный мир будет “антиисламским” [2]. В последние годы стало, тем не менее, очевидным: догматический ислам превратился в глобальную политическую силу и символическую основу идентичности миллионов в европейском социокультурном пространстве. Этот труднооспоримый факт поддерживает стереотип об исламе только как о фундаменталистском и террористическом явлении.

На уровне общеевропейских структур продолжается разработка мер и инструментов стимуляции межкультурного консенсуса. Еврокомиссия подготовила план реализации Гаагской программы интеграции иммигрантов, основанной на идее взаимного приспособления и уважения базовых ценностей европейского общества. Однако пока наблюдаются самые крайние проявления “нулевой терпимости” как с одной, так и с другой стороны, особенно на микросоциальном уровне.

На наш взгляд, здесь требуется расширение влияния таких институтов, как национальное государство, возрастание его роли и в структурировании миграционных процессов, и в социокультурной интеграции иноэтничных граждан своих стран.

Генерализирующая роль национального государства в этой проблематике, затрагивающей самый нерв современного общественно-политического дискурса, не может ставиться под сомнение. Противоречия между экономической выгодой иммиграции и ее

социокультурными последствиями могут более эффективно решаться в рамках национальных государств. В этом контексте возникают новые возможности для теоретических интерпретаций соотношения двух современных феноменов — глобализации и национального государства. Несмотря на утрату последним части суверенитета в условиях глобализирующегося мира, именно оно обеспечивает права и свободы своих граждан, стабильность и безопасность страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004.
2. Интервью с Э. Тоддом // Россия в глобальной политике. 2007. № 4. URL: <http://www.globalaffairs.ru/numbers/27/8077.html> (дата обращения: 15.08.2009).
3. Межкультурное образование: подход Совета Европы. М., 1995.
4. *Радтке Ф.-О.* Между дерегуляцией и дискриминацией // Миграция и национальное государство / Под ред. Т. Бараулиной и О. Карпенко. СПб., 2004.
5. *Рыбаковский Л.Л.* Миграция населения // Стадии миграционного процесса. Приложение к ж-лу “Миграция в России”. Вып. 5. М., 2001.
6. *Adams P.* Family, Policy and Labor Migration in East and West Germany // *Social Service Review*. June 1989. № 2 (63).
7. *Albrow M.* The Global Age. State and Society Beyond Modernity. Stanford, 1997.
8. *Benhabib S.* The Claims of Culture. Princeton, 2002.
9. *Bommes M.* Migration und nationaler Wohlfahrtsstaat. Opladen, 1999.
10. *Brubaker W.R.* Immigration and the Politics of Citizenship in Europe and America. Lanham, 1989.
11. Congressional Record. 06.08.1987. Washington, D.C., 1987.
12. *Deutsches Auslaenderrecht*. Muenchen, 1997.
13. *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Cambridge, 1990.
14. *Jansson B.* The Reluctant Welfare State. A History of Social Welfare Policy. Brooks; Cole, 1992.
15. *Moeller R.* Reconstructing the Family in Reconstruction Germany: Women and Social Policy at the Federal Republic 1949–1955 // *Feminist Studies*. 1989. № 1 (15).
16. *Muslims* // *Focus*. 2009. № 27. P. 10.
17. *Robertson R.* Globalization. Social Theory and Global Culture. London, 1992.
18. *Schlesinger A.M., Jr.* The Disuniting of America. Reflections on a Multicultural Society. New York; London, 1998.